

Наконец кондуктор объявил: «Двадцатая улица».

В ту же секунду Мазиза выпрыгнул из автобуса. Пройдя несколько шагов, он увидел двух африканцев, торопливо спешивших ему навстречу. Они выглядели взволнованными: оглядывались по сторонам, суетились, будто не знали, в каком направлении идти. Мазиза остановился, чтобы поправить галстук. Поровнявшись с ним, один из африканцев сказал:

— Ты выбрал, брат, неудачный день. Дела здесь плохи.

Мазиза сделал всего лишь шаг вперед, когда навстречу ему вынырнула полицейская машина. Мазиза вздрогнул, но тут же постарался взять себя в руки. «Мне нечего бояться, я ничего не сделал плохого», — подумал он, желая успокоить себя, хотя хорошо знал, что полиция никогда не ждет, пока африканец что-нибудь сделает, для того чтобы привязаться к нему.

— Эй, подойди сюда! — окликнул его полицейский, как только машина остановилась.

— Я? — Мазиза пальцем ткнул себя в грудь.

— Ты, ты! — зло заорал полицейский, вылезая из машины и чертыхаясь. — Куда это ты направился?

— Туда, баас, — Мазиза махнул рукой, всем своим видом давая понять, что он должен добраться «туда» как можно скорее.

— Вам, туземцам, определено местожительство за пределами Си-Пойнта. Ты кто такой?

— Я...

Полицейский протянул руку. Мазиза не стал спрашивать, чего от него ждут.

Не говоря ни слова, он полез за своим пропуском. Карман был пуст. Он обшарил все карманы, но маленькой книжицы нигде не оказалось. Сердце замерло.

— Нет пропуска?

Полицейский схватил Мазизу за руку и потащил к машине.

— Пожалуйста, баас, я...

— Хватит нам вашего воровства и драк! Пошли!

И тут Мазиза вдруг вспомнил — та грязная одежда, которой он пренебрег... Вот где его пропуск, в тех грязных штанах вместе с билетом третьего класса и грязным платком, которым он вытирал пот целую неделю! В одно мгновение в голове пронеслось, что последует за всей этой историей: тюремное заключение на неопределенный срок, потеря места, долги, безуспешные поиски новой работы, высылка из города...

Он попробовал было попытаться счастья:

— Пожалуйста, баас, пропуск у меня дома, сэр...

Но его уже грубо втолкнули в машину. Вскоре он узнал, что полиция предприняла налет на этот район, так как в одном из домов в комнате для прислуги был найден труп.

Машина мчалась к полицейскому участку, и все надежды Мазизы на приятную встречу с землячкой постепенно таяли. Он живо представил себе, как она ждет его, а потом, отчаявшись, решает, что город действительно калечит людей, что никому нельзя верить, даже парням из родных мест.

Желудок Мазизы заныл от голода, и он вспомнил о куске свежего, вкусного хлеба, который оставил нетронутым дома...

Перевел с английского
В. Коткин

НАЗРУЛ ИСЛАМ

Индия

ВОРЫ

«Ты ворует!» — кричат повсюду.

Это правда, но это ложь.

В нашем мире целые страны

затевают большой грабеж.

А тебе отрубают пальцы

за украденный медный грош.

Справедливые наши судьи —

разве совесть у них чиста?

Лихоимцы с большим размахом.

Довкачи — тебе не чета.

Бедняков дотла обирают —

всюду голод и нищета.

Им, удачливым и спесивым,

воздают хвалу и почет.

Их дворцы — из красного камня:

наша кровь по стенам течет.

Будет время — они с лихоимством

нам оплатят кровавый счет.

Миллионы людей навеки

потеряли последний кров.

Наживаются заминдары,

продавая людскую кровь,

и заводчики богатеют

на страданиях сирот и вдов.

Сундуки набиты деньгами,

раздуваются кошельки.

Веселятся вовсю банкиры,

и жиреют ростовщики.

Волчья стая чует добычу —

блещут зубы, горят зрачки.

Это люди из касты вайшья,

уважаемые везде.

Друг за друга стоят горою.

Не горят, не тонут в воде.

На любую пакость готовы,

чтоб народ удержать в узде.

У тебя они все отнимут:

хлеб, одежду, жену, детей,

и здоровье твое, и силу

украдут для своих затей.

Расторопней нищих воришек

ненасытный вор-богачей.

Выше голову! Зреет время —

не спасутся они, дрожа,

убегая от правой мести

и награбленным дорожа.

Не уйдут от нашего гнева

эти демоны грабежа.

Зреет время, спешит возмездье.

Восстает ограбленный мир.

Наступают горькие годы

для разбойников и громил —

без насилия им жизнь не в радость,

без наживы и свет не мил.

А тебя, беднягу, в рубахе

из одних заплат и прорех,

богачи называют вором...

Нет, не так уж велик твой грех.

Посреди сплошного разбоя

ты, голодный, — честнее всех.

Перевел
Михаил Курганцев